

Бирюков С.В.

23.00.04 Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития
Political problems of international relations,
global and regional development

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-47-53

Российский «разворот к Азии» и перспективы многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе

С.В. Бирюков ©

Восточно-Китайский педагогический университет,
г. Шанхай, Китайская Народная Республика

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ),
г. Томск, Российская Федерация

E-mail: birs.07@mail.ru

Аннотация. Российская дипломатия после украинского кризиса 2014 г. находится в поиске наиболее эффективной стратегии, которая отвечала бы растущим вызовам современного мира. Продолжающаяся фрагментация («ползучий демонтаж») механизмов и институтов, на которых десятилетиями строился биполярный мир, требует гибкой и адекватной внешнеполитической линии, которую можно использовать для снижения рисков и продвижения собственных интересов в постоянно меняющейся ситуации. Одним из элементов этой стратегии является «поворот к Азии» – перспективное направление российской внешней политики, на рассмотрение которого и нацелен автор. Исходя из результатов проведенного в рамках статьи анализа, автор приходит к выводу, что такой поворот не может быть реализован в рамках инерционной стратегии – но он требует от России активного выстраивания качественно новых отношений с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (как двусторонних, так и многосторонних). Представляется также, что «разворот» не может быть осуществлен в рамках стратегии лавирования – поскольку лавирование во внешней политике только укрепляет статус-кво, но не помогает двигаться вперед. Автор считает, что оптимальным вариантом стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе является про-активное конструирование – т.е. выстраивание отношений многостороннего партнерства со всеми другими странами региона, заинтересованными в поддержке его устойчивого развития, мирном разрешении споров, развитии межгосударственной торговли и культурных обменов. Развивая стратегическое партнерство с Китаем, Россия призвана и способна начать диалог о партнерстве с другими странами АТР, используя существующие диалоговые площадки (саммиты Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) для развития партнерских отношений в различных областях.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Российско-китайское стратегическое партнерство, геополитика, геостратегия, многостороннее партнерство, про-активное проектирование

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бирюков С.В. Российский «разворот к Азии» и перспективы многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1. С. 47–53. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-47-53

The “Russia’s pivot to Asia” and perspective strategy of multilateral cooperation in the Asia-Pacific region

S.V. Biryukov ©

East China Normal University,
Shanghai, China

Siberian Institute of Management, Branch of RANEPА,
Novosibirsk, Russian Federation

National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation

E-mail: birs.07@mail.ru

Abstract. Russian diplomacy after the Ukrainian crisis of 2014 is in search of the most effective strategy that would meet the growing challenges of the modern world. The continued fragmentation (“creeping dismantling”) of the mechanisms and institutions on which the bipolar world has been built for decades requires a flexible and adequate foreign policy line that can be used to reduce risks and advance one’s own interests in an ever-changing situation. One of the elements of this strategy is a “turn to Asia” – a promising trend of Russian foreign policy, the consideration of which the author aims at. Based on the results of the analysis carried out in the article, the author comes to the conclusion that such a turn cannot be implemented within the framework of an inertial strategy – but it requires Russia to be active in building qualitatively new relations with other countries of the Asia-Pacific region (both bilateral and multilateral). It also appears that a “reversal” cannot be carried out within the framework of a tacking strategy – since tacking in foreign policy only reinforces the status quo, but does not help to move forward. The author believes that the best option of Russia’s strategy in the Asia-Pacific region is Pro-active construction – that is, building relations of multilateral partnership with all other countries in the region interested in maintaining its sustainable development, peaceful resolution of disputes, the development of interstate trade and cultural exchanges. Developing a strategic partnership with China, Russia is called upon and able to start a dialogue on partnership with other Asia-Pacific countries, using existing dialogue platforms (Asia-Pacific economic cooperation summits) to develop partnerships in different areas.

Key words: Southeast Asia, Asia-Pacific region, Russian-Chinese strategic partnership, geopolitics, geo-strategy, multi-stakeholder partnership, pro-active design

FOR CITATION: Biryukov S.V. The “Russia’s pivot to Asia” and perspective strategy of multilateral cooperation in the Asia-Pacific region. *History and Modern Perspectives*. 2021. Vol. 3 . No. 1. Pp. 47–53. (In Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-47-53

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Российская дипломатия после украинского кризиса 2014 г. находится в поиске качественной стратегии, которая бы содержала ответ на умножающиеся вызовы современного мира и более полно содействовала реализации задач национального развития. Кризис институтов и механизмов, оставшихся в наследство от «двухполярного мира» равно требует выработки гибкой и адекватной внешнеполитической линии, которую можно было бы использовать для уменьшения рисков и продвижения собственных интересов в постоянно изменяющейся ситуации. Одним из элементов этой стратегии является обсуждаемый многими «разворот к Азии» – перспективный тренд российской внешней политики, который еще предстоит наполнить конкретным содержанием [Лукин, 2016; АСЕАН, МГИМО,

2015]. Попытки западных экспертов интерпретировать данное изменение во внешнеполитической стратегии как «вынужденный маневр» вследствие политического и ценностного разрыва России с Западом [Lukin, 2019; Аесnewstoday, 2016] представляются упрощением – поскольку «восточная альтернатива» регулярно обсуждалась в политических и экспертных кругах СССР и России начиная со времен «поздней перестройки», а сама возможность такой периориентации внешнеполитического курса Москвы рассматривается некоторыми экспертами как вызов [Раikin, 2019]. Очевидно, что подобный разворот не может быть реализован в рамках инерционной стратегии – но требует от России активности, связанной с выстраиванием качественно новых взаимоотношений с Китайской Народной Республикой другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, причем как двухсторонних, так и многосторонней

Бирюков С.В.

основе. Как представляется, заявляемый и предполагаемый «разворот» в Азию также не может быть осуществлен в рамках лавирующей стратегии – поскольку лавирование во внешней политике лишь закрепляет статус-кво, однако никоим образом не способствует продвижению вперед.

При этом анализ перспективных возможностей, вытекающих из заявленного сегодня Россией «разворота на Восток» и не может быть осуществлен без учета более общей картины места страны в контексте глобальных процессов. Принимая во внимание современное значение России как сохраняющей статус мировой державы страны, можно оценить эффективность ее стратегий в отношении стран ближнего и дальнего зарубежья. При этом нельзя абстрагироваться ни от ее общемирового значения, ни от актуальной для нее региональной повестки.

Следует помнить, что Россия не является простым материковым (макрорегиональным) государством – но мировой державой, обладающей открытым выходом во многие мировые регионы. Россия идентифицирует себя в качестве Евразии. Расположение в глубине континента означает для нее не самоизоляцию от других мировых регионов, но продуманное и планомерное взаимодействие с ними. Для чего, в свою очередь, России необходима консолидация собственного внутреннего экономического пространства. Что, между тем, не отменяет необходимости выстраивания Россией сбалансированных, устойчивых и партнерских взаимоотношений со своими соседями – как из ближнего, так и из дальнего зарубежья. В этой связи встает вопрос о том, какую внешнеполитическую стратегию следует избрать современной России с целью сохранить максимально выгодный для нее баланс сил в мире и в стратегически значимых для нее регионах.

Российская дипломатия сегодня находится в поиске наиболее эффективной стратегии, которая бы отвечала все нарастающим вызовам современного мира. Продолжающаяся фрагментация («ползучий демонтаж») механизмов и институтов, на которые в течение десятилетий опиралась структура двухполярного мира требует выработки гибкой и адекватной внешнеполитической линии, которую можно было бы использовать для уменьшения рисков, нейтрализации вызовов и продвижения собственных интересов в постоянно изменяющейся ситуации.

В то же время, сегодня Россию нередко призывают к воздержанию от чрезмерного вовлечения в процесс глобальной конкуренции от взятия на себя излишней ответственности за поддержание находящейся в состоянии трансформационного кризиса структуры мирового порядка – равно как и от «излишне активного» вовлечения в процессы, протекающие в сопредельных с ней мировых регионах. Существует ли «золотая середина» между масштабным вовлечением в международные конфликты и изоляцией (которая может быть ошибочно выдана за «сосредоточение»)? И освобождает ли современная ограниченность ресурсов (прежде всего экономических) Россию от необходимости приложения усилий для поддержания выгодного и благоприятного для себя баланса сил в своем внешнем (и прежде всего ближнем) окружении, для чего также требуется новая стратегия, принципиально отличная от инерционной.

При этом, по глубокому убеждению автора, навязываемый России выбор между сворачиванием внешнеполитического влияния либо имперским перенапряжением (ведущим к масштабному кризису и социальному взрыву) является ложным и надуманным. Россия не может функционировать в пульсирующем режиме («сжатие-расширение») [Малинецкий, 2008: 14–19], поскольку подобное сжатие может означать масштабные потери для России в современной динамичной мировой политике. Альтернативой упомянутым неблагоприятным сценариям является про-активное конструирование – т.е. продуманное и планомерное взаимодействие с внешним окружением за счет основанного на синергетическом подходе управления неопределенностью (управление ресурсами, управление рисками, управление тенденциями) с последующим выстраиванием выгодного для себя аттрактора) – с выходом на выстраивание благоприятного для России порядка как внутри себя, так и во внешнем для нее окружении.

Между тем, предполагаемый поворот России на Восток неизбежным образом касается не только политического и социально-экономического, но и культурно-цивилизационного и идентификационного измерений, которые также должны приниматься во внимание разработчиками перспективных стратегий.

Насколько сильно травмирована Россия очередным отказом Запада от признания ее в качестве составной его части и преодолимо ли диагностируемое сегодня влиятельными экспертами «одиночество полукровки»? И не оформятся ли подобные суждения в сентенции, подобные той, которую высказал в свое время Петр Чаадаев, полагавший, что Россия «самим своим существованием преподнесла Западу важный и страшный урок»?

Обращаясь к истории России, достаточно вспомнить, что допетровская Русь имела восточные корни, выражающиеся в византийском наследии, но однозначная ставка Петра Великого на «вестернизацию сверху» отправило это многообразное и глубокое восточно-византийское наследие под спуд. Осмыслившие петровскую «подмену» мыслители-славянофилы, в частности, полагали в свое время, что главной проблемой исторического развития России является конфликт между навязанными ей «сверху» европейскими политическими и правовыми формами и особой «соборной» природой российского социума и культуры.

Однако означает ли предполагаемый «поворот на Восток» изменение цивилизационного кода России? В этой связи следует вспомнить, что Россия уже содержит Восток в самой себе. Об этом ей напоминает наличие огромной по своей территории восточной части страны, отличной от ее европейской части не только в силу природно-географических условий, но и в силу социокультурных и этнокультурных особенностей. Восточный элемент – наследие Византии – закреплен и в символике Российского (ранее Московского) государства: двухглавый орел, полученный от династии Палеологов, символизирует наличие в структуре Российского государства не только европейской, но и азиатской части.

В то же время восточно-византийское начало, так или иначе, утверждало себя в истории страны даже

вопреки европоцентристским начинаниям некоторых лидеров страны. Так, копирующий европейские формы имперский проект, инициированный Петром I, в итоге постепенно трансформировался в «цветущую сложность» (Константин Леонтьев) – особого рода гармонию, соединившую под своей эгидой многие религии, культуры и народы Российской Империи [Леонтьев, 1992], что в итоге привлекло к ней взоры многих народов, в том числе и из-за пределов «российской ойкумены».

В то же время, предполагаемый «геополитический разворот» в Азию со всей серьезностью ставит вопрос о том, можно ли изменить многолетнюю евроцентристскую матрицу в сознании политического и интеллектуального классов России – и какие для этого потребуются условия и усилия? И существует (формируется) ли в этом случае у России новая элита, готовая воспринимать новые внешнеполитические задачи и ориентиры?

Следует также напомнить о том, что Российская Федерация с момента своего утверждения как независимого государства с 1992 г. развивалась как европоцентричная страна – имея в виду в том числе колоссальную концентрацию ресурсов в европейских столицах страны, что привело к известному отставанию в развитии восточных регионов (деиндустриализации, кризису социальной сферы, миграционному исходу населения из целого ряда стратегически значимых регионов и др.).

В контексте рассматриваемой нами темы следует упомянуть и о том, что современная Россия разворачивается на Восток в качестве «не вполне состоявшегося Запада» – поскольку наследие «советской модернизации» было ею в немалой степени утрачено, «либеральная модернизация» 1990-х гг. принесла весьма неоднозначные социокультурные и институциональные результаты, в то время как поиск альтернативной модернизационной стратегии ею пока не завершена.

Помимо всего прочего, особенно важно помнить и о том, что Россия разворачивается (возвращается) сегодня к значительно изменившемуся и динамичному Востоку – который давно перестал быть «пространством отставания и статики» и выдвинул из своей среды несколько мировых экономических лидеров и региональных «тигров».

К сожалению, Россия пока не имеет проработанной и детализированной экономической модели, обеспечивающей достаточно динамичное развитие восточной части страны и комплексной интеграции регионов Сибири и Дальнего Востока в единое экономическое пространство – с целью их последующего превращения в центры социально-экономического развития и субъектов трансграничного сотрудничества. Взятая за основу в 1992 г. правительством России либеральная экономическая модель – принципиально европоцентрична, а правительственная программа развития регионов Сибири и Дальнего Востока требует известной коррекции с учетом специфики и совокупности интересов участвующих в ней регионов.

При этом Россия по сию пору не укоренена должным образом в АСЕАН – что является, в том числе, следствием противостояния времен «холодной войны». Начавшийся в 1991 году диалог и последующее регулярное участие России в саммитах АТЭС отчасти компенсирует

этот пробел, однако для его полного преодоления очевидно требует долговременная и кропотливая работа в политической, экономической и культурной сферах для повесного включения в жизнь одного из ключевых мировых регионов.

Сотрудничество между десятью государствами Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также АСЕАН с момента консолидации этого объединения и достижение организацией новых качественных параметров, сделав сотрудничество государств в ее рамках более глубоким, многосторонним и всеохватывающим. Предполагается, что консолидированная ЮВА способна превратиться в динамично развивающийся геоэкономический «полюс», позволяющий вошедшим в него странам сохранять высокие темпы экономического роста, поддерживать управляемость в ключевых сферах жизни общества, усилив, таким образом, свое влияние на формирование повестки глобального развития.

В то же время при разработке и реализации подобной стратегии России необходимо принимать во внимание целый ряд важных особенностей региона Юго-Восточной Азии.

Первая такая особенность – присутствие в регионе одной из ведущих мировых держав (КНР) и региональной державы, входящей в «Большую семерку» (Япония), что делает актуальным вопрос о лидерстве в регионе.

Другая значимая характеристика макрорегиона Юго-Восточной Азии – изменчивое соотношение трендов глобализации и усиления «закрытости» в политике стран региона.

Наряду с этим, сохраняющаяся инерция «блокового мышления» – при постепенном исчерпании значимости блоковых структур в современной политике.

Особая роль государства как координатора политических и социально-экономических процессов в странах ЮВА – что требует от самого государства постоянного повышения своей эффективности и адаптивности, в то время как любое непредсказуемое ослабление государственных институтов означает возникновение серьезного социального кризиса.

Поликультурность и поликонфессиональность региона – что требует особого внимания к выработке продуманной стратегии софт-пауэр для любой из держав, собирающихся осуществлять свое влияние в регионе.

Уникальная роль национальных культур и национальных идентичностей в процессе консолидации социумов западного типа в странах региона.

Особая значимость модернизационного прочтения национальной культурной традиции для стран региона – необходимая им для многостороннего и поступательного развития.

При этом, отмечая стремление стран Юго-Восточной Азии повысить собственную конкурентоспособность как единой геоэкономической общности в ответ на вызов «новой волны» глобализации, необходимо видеть ряд существенных особенностей сложившегося в регионе обобщенного взгляда на процессы внутрирегиональной интеграции.

1. Государства ЮВА никогда не ставили перед собой задачу повторить европейский интеграционный прецедент, т.е. создать единое экономическое и политическое пространство – поскольку процесс национальной интеграции и внутривосточной

Бирюков С.В.

консолидации во многих из этих стран еще не завершен, а социальный и внутриэлитный консенсус является достаточно хрупким.

2. Стремление встраивать экономический вектор сотрудничества между входящими в АСЕАН странами в контекст более долгосрочных и широких стратегических приоритетов.
3. Непростой и противоречивый процесс осмысления населением и элитами стран АСЕАН истоков и последствий мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. побудил их правящие круги инициировать масштабное инфраструктурное строительство, осуществить оптимизацию и диверсификацию экспорта и импорта, включая отношения с внерегиональными партнерами.

Показательно в этом отношении, что принятая еще в 2007 г. Дорожная карта формирования Экономического Сообщества АСЕАН включала следующие общие направления:

- формирование в Юго-Восточной Азии единого рынка и единой производственной базы;
- превращение ЮВА в «конкурентоспособный экономический регион»;
- интеграция ЮВА в глобальные экономические процессы.

В свою очередь, инициированный Китайской Народной Республикой в 2013 г. и успешно реализуемый сегодня масштабный инфраструктурный проект «Один пояс, один путь» выступает как шанс и вызов для стран Юго-Восточной Азии [Djankov, Hendrix, Lawrence et al., 2016], предоставляя им дополнительные возможности экономической кооперации и одновременно побуждая их к повышению конкурентоспособности их национальных экономик и диверсификации внешнеэкономических связей, стимулируя последних к пересмотру и модернизации сформированной ранее стратегии развития АСЕАН как единой геоэкономической общности.

Отношения России и Китая заслуживают отдельного и специального рассмотрения, с известным вынесением их «за скобки» общей проблематики социально-экономического и политического развития стран Юго-Восточной Азии. Отношения двух мировых держав достигли на сегодняшний день уровня стратегического партнерства, и продолжают углубляться. На взгляд автора, речь должна идти не только о политическом и экономическом, но и о междивизиационном диалоге между двумя странами. Россия и Китай – при всем различии культур – представляют собой две цивилизационных и исторических общности, характеризующихся многовековой государственной традицией и особой ролью государства как консолидирующей и направляющей силы в рамках процессов общественно-политического развития. Оба государства, пережив в определенные эпохи своей истории периоды распада и властвования внешних сил, консолидировались затем на культурно-цивилизационной основе, постепенно и поэтапно преодолев власть и влияние кочевых империй и их династий. Как Китаю, так и России присуща устоявшаяся консервативная традиция в политической культуре, допускающая ее современное и модернизированное прочтение.

Стратегическое партнерство между Россией и Китаем является сегодня многосторонним и многогранным,

и реализуется в рамках такого перспективного институционального формата, как Шанхайская организация сотрудничества, которая превращается в эффективный диалоговый механизм, привлекающий внимание все новых стран региона. ШОС опирается на отношения доверия, наиболее активно формировавшиеся в течение двух последних десятилетий. Перспективы развития ШОС в значительной степени зависят от развития и углубления торгово-экономических отношений между Россией и Китаем. По сути, отношения стратегического партнерства и взаимодействия, сложившиеся на сегодня между двумя странами, являются высшей формой межгосударственных отношений, закрепленной в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Приоритетами российско-китайского взаимодействия на сегодняшний день остаются сферы безопасности и торгово-экономических отношений. При этом второе направление кооперации нуждается в качественном наполнении, для чего необходимы планомерные и согласованные усилия обеих стран.

ВЫВОДЫ

Исходя из всего сказанного, автор полагает, что ключевыми условиями эффективности формирования и управления политической ситуацией в сопредельных постсоветских государствах соответственно являются:

- 1) выстраивание взаимодействия с динамично развивающимся «большим пространством» Юго-Восточной Азии на основе разветвленной и многофункциональной системы обратных связей (модель «сообщающихся сосудов»);
- 2) продвижение современного и привлекательного образа России в странах региона Юго-Восточной Азии с учетом их культурно-цивилизационных особенностей, что предполагает отказ от «европоцентристской матрицы» матрицы российской политики и разработку собственной модели «мягкой силы», адаптированной к особенностям региона ЮВА;
- 3) соотнесение стратегии в отношении стран Юго-Восточной Азии с особенностями их внутреннего развития и устоявшимися внешнеполитическими приоритетами (исходя не только из воспроизводящихся и устойчивых, но и изменяющихся параметров развития этих государств);
- 4) учет особенностей современной социальной и социокультурной динамики в странах Юго-Восточной Азии, изменяющей сам контекст взаимодействия с последними (подъем национального среднего класса, поиск собственного места в рамках глобализационных процессов, проблемы сохранения и укрепления национального суверенитета и идентичности);
- 5) более полный учет проблем во взаимоотношениях России и стран Юго-Восточной Азии, выдвигание перспективных инициатив с учетом конкретных интересов стран ЮВА.

В конечном итоге, как можно предположить, именно синергетический подход, применяемый в отношении неоднородного и изменчивого сообщества стран региона, в случае его использования Россией, позволит ей более эффективно использовать ограниченные

на сегодняшний день ресурсы влияния в регионе – перейдя затем к постепенному увеличению масштабов своего присутствия в регионе через расширение контактов с ключевыми региональными акторами (и, прежде всего, с КНР как со своим стратегическим партнером) – и на этой основе к со-участию в формировании новых кооперационных возможностей и структур (к т.н. «конструктивной динамической определенности» вместо кризисных проявлений, имеющих место сегодня).

Как представляется, российской и китайской сторонам необходимо согласованно стремиться к дальнейшей открытости рынков, к расширению двусторонней торговли, к улучшению структуры торгового обмена, к усилению согласованного правового регулирования в этой сфере.

Обе страны заинтересованы в формировании единого торгово-экономического пространства, как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

По убеждению автора, на перспективу необходимо стремиться создать единое международно-правовое поле, которое заметно облегчит для обеих сторон обмен законодательным опытом и правовой информацией в интересах развития двусторонней кооперации в экономической и других сферах. На перспективу, предполагаемая гармонизация российского и китайского законодательства на базе принципов международного права будет способствовать интенсификации отношений в торгово-экономической сфере.

Сегодня России и Китаю необходимо содействовать инвестиционному сотрудничеству, увеличив взаимные инвестиции, и в том числе в сфере высоких технологий, включая сюда долгосрочные проекты со значительным объемом инвестиций.

Как представляется, имеющиеся на сегодня диспропорции в двусторонних торгово-экономических отношениях России и Китая могут быть устранены только в процессе совместной кропотливой работы, целью которой является создание доступных информационных баз о возможных направлениях и объектах инвестирования, а также о потенциальных инвесторах. Подобный подход обеспечит более полное знакомство бизнес-сообщества Китая с возможностями России, конкретных ее отраслей и регионов. В свою очередь, создание подобной информационной базы позволит российскому бизнес-сообществу повысить свою активность на китайском направлении, создавая тем самым необходимые предпосылки для диверсификации российского экспорта.

В свою очередь, в более широком макрорегиональном контексте, российско-китайские отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества создают значительные возможности в деле повышения управляемости региональными интегра-

ционными процессами и способствуют эффективной экономической интеграции в Юго-Восточной Азии в ответ на новые глобальные вызовы.

В свете всего сказанного имеет смысл поддержать идею о всемерном развитии сотрудничества между Россией и Китаем в сфере безопасности и вопросах деятельности международных институтов, в вопросах глобального управления, в области высоких технологий и развития финансовой инфраструктуры, в гуманитарной сфере, включая сюда проблемы образования, деятельности СМИ и различные аспекты межкультурного взаимодействия, высказанную авторами доклада «Российско-китайский диалог. Модель 2019» [Лузянин, Хуашэн, 2019]. Как представляется, для углубления партнерства и диалога между Россией и Китаем необходимо создание нескольких постоянно действующих дискуссионных площадок между представителями двух стран – по вопросам политики, экономики, культуры, образования, сотрудничества в сфере технологий. На этих площадках должны регулярно встречаться политики, бизнесмены, журналисты, деятели культуры двух стран для обсуждения важных текущих вопросов. Материалы работы площадок должны быть регулярно представлены в СМИ и доведены до широкой ответственности двух стран. Подобный подход, на взгляд автора, обеспечит желаемое качественное наполнение двустороннему между Россией и Китаем в различных областях – оказывая благоприятное влияние на развитие интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии в целом, повышая тем самым «антикризисную устойчивость» этого значимого мирового региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор полагает, что наилучшим вариантом стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе является про-активное конструирование – т.е. выстраивание отношений многостороннего партнерства со всеми другими странами региона, заинтересованными в сохранении его устойчивого развития, мирном разрешении спорных вопросов, развитию межгосударственной торговли и культурных обменов. Развивая стратегическое партнерство к Китаем, Россия призвана и способна начать диалог о партнерстве с другими странами АТР, используя существующие диалоговые площадки (помимо саммитов глав государств, зарекомендовавшие себя саммиты Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) для развития партнерских отношений в разных областях. Соответствующая ревизия региональной политики России в отношении регионов Сибири и Дальнего Востока также представляется необходимой – что, в свою очередь, требует отдельного и специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992. 318 с.
2. Лукин А.В. Поворот России к Азии: миф или реальность? URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/povorot-rossii-k-azii-mif-ili-realnost>
3. Лузянин С., Хуашэн Ч. РСМД: Российско-китайский диалог: модель 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2019>

REFERENCES

1. Leontev K.N. Blooming complexity. Selected articles. Moscow: Molodaya gvardiya, 1992. 318 p.
2. Lukin A.V. Russia's turn to Asia: Myth or reality? URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/povorot-rossii-k-azii-mif-ili-realnost>
3. Luzyanin S., Huashen Ch. RIAC: Russian-Chinese dialogue: Model 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2019>

Бирюков С.В.

4. Малинецкий Г.Г. Проект «Россия» в синергетическом контексте // Экономические стратегии. 2008. № 7. С. 14–19.
5. Разворот России в Азию: последствия для Юго-Восточной Азии. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2015/razvorot-rossii-v-aziyu-posledstviya-dlya-yugo-vostochnoj-azii>
6. Djankov S., Hendrix C.S., Lawrence R.Z. et al. China's belt and road initiative: Motives, scope and challenges // Peterson Institute for International Economics (March 2016) PIIE Briefing 16-2. URL: <https://piie.com/publications/piie-briefings/chinas-belt-and-road-initiative-motives-scope-and-challenges>
7. Lukin A. Russia's East Asian pivot. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/russias-east-asian-pivot> (дата обращения: 12.09.2019).
8. Paikin Z. Russia's pivot to the East: Where does it leave the EU? URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_russias_pivot_to_the_east_where_does_it_leave_the_eu (дата обращения: 21.02.2019).
9. What Happened to Russia's "Pivot to Asia"? URL: <https://aenewstoday.com/2016/what-happened-to-russias-pivot-to-asia>
4. Malineckij G.G. The project "Russia" in a synergistic context. *Ekonomicheskie strategii*. 2008. No. 7. Pp. 14–19. (In Russ.)
5. Russia's pivot to Asia: Implications for Southeast Asia. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2015/razvorot-rossii-v-aziyu-posledstviya-dlya-yugo-vostochnoj-azii>
6. Djankov S., Hendrix C.S., Lawrence R.Z. et al. China's belt and road initiative: Motives, scope and challenges. *Peterson Institute for International Economics (March 2016) PIIE Briefing 16-2*. URL: <https://piie.com/publications/piie-briefings/chinas-belt-and-road-initiative-motives-scope-and-challenges>
7. Lukin A. Russia's East Asian pivot. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/russias-east-asian-pivot> (data of accesses: 12.09.2019).
8. Paikin Z. Russia's pivot to the East: Where does it leave the EU? URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_russias_pivot_to_the_east_where_does_it_leave_the_eu (data of accesses: 21.02.2019).
9. What Happened to Russia's "Pivot to Asia"? URL: <https://aenewstoday.com/2016/what-happened-to-russias-pivot-to-asia>

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 99,9%

Р е ц е н з и я: Барсуков А.М. кандидат политических наук; доцент кафедры государственного и муниципального управления СИУ-РАНХиГС

Статья поступила в редакцию 12.01.2021, принята к публикации 17.02.2021

The article was received on 12.01.2021, accepted for publication 17.02.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор; научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китайская Народная Республика; профессор кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Российская Федерация); профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ) (Томск, Российская Федерация). E-mail: birs.07@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Biryukov, Dr. Sci. (Polit.), Professor; research associate at the Centre for Russian Studies of the East China Normal University (Shanghai, China); professor at the Department of Political Science and Technologies of the Siberian Institute of Management, branch of RANEPА (Novosibirsk, Russian Federation); professor at the Department of Political Science of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: birs.07@mail.ru